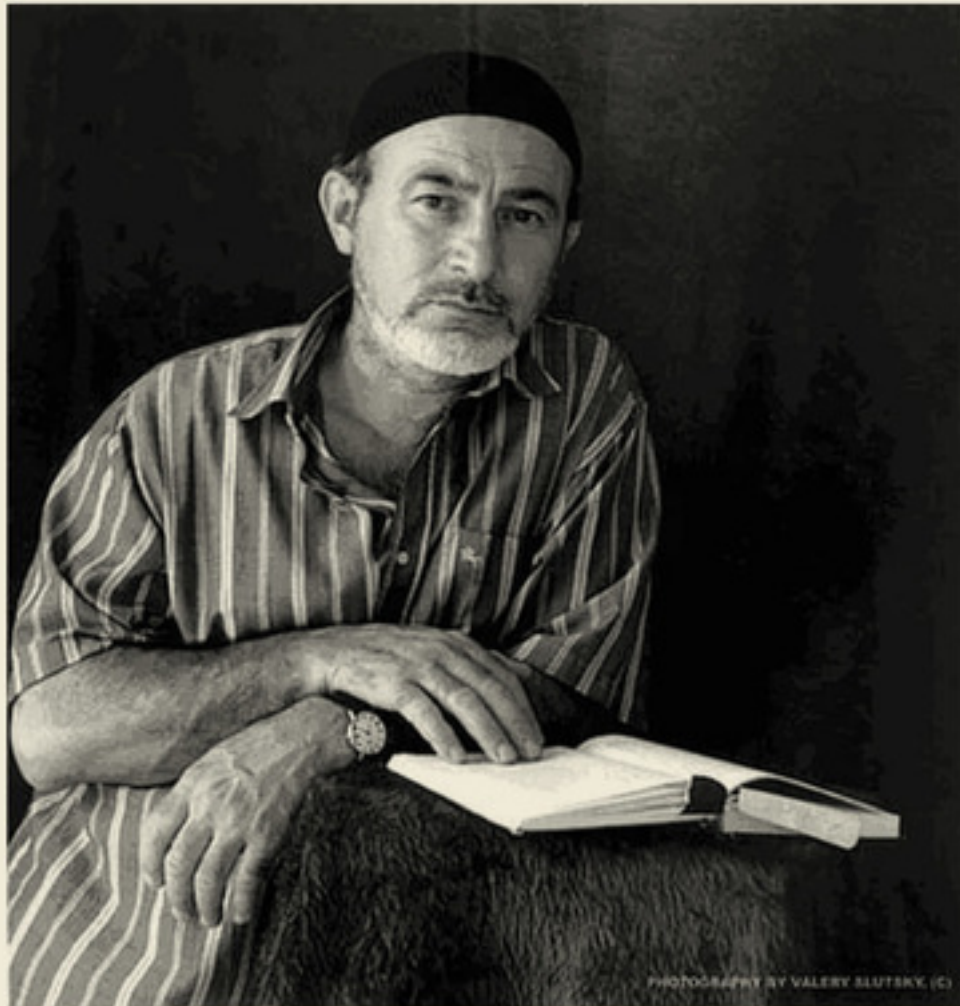

Аръе Вудка

Два мира и любовь

Стихи 1969-2016

Аръе Вудка
Два мира и любовь

«Книга-Сэфер»

2017

Вудка А.

Два мира и любовь / А. Вудка — «Книга-Сэфер», 2017

Арье (Юрий) Вудка живет со своей семьей в Израиле. Он пишет стихи и богословские труды, как на русском языке, так и на иврите. Первые годы пребывания в Израиле он работал инженером на одном из военных заводов Израиля, а теперь – преподаватель Торы и иврита. Этот человек, блестяще владеющий поэтическим русским языком, вжился в Священный Язык, который он пытается "спасти от накипи бескультурья". В 1969 году Юрий Вудка был студентом в Рязани, когда милицейский стук в дверь прервал обычный ход его жизни на семь лет. Он был приговорен с тремя друзьями к тюрьме за сионистскую пропаганду. Свой срок он отбывал, в том числе, во Владимирской тюрьме. Именно там выкристаллизовалась его философия жизни. Со дня приезда в Израиль Вудка выпустил несколько книг на русском языке и иврите. Подобно многим другим узникам Сиона, он обратился к жанру мемуаров. Не ограничиваясь лагерными историями, он также немало написал про "внутреннее очищение" и про "духовный рост за решеткой". Интересно, что на самые проникновенные места в его книге ссылаются некоторые каббалисты. В лагере Арье сложил немало стихотворений, которые перевел в Израиле на иврит и издал вместе с переводами на иврит Мандельштама, Пастернака, Ахматовой и других любимых русских авторов. Каким узлом Синай меня отметил? И как настигнуть мост через века? Царит над этой танковой степью Его непостижимая рука.

© Вудка А., 2017

© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

За колючей проволокой	7
Недошедшим	8
Потоп	9
Бар Гиора	10
«Умывалась заря в Иордане...»	11
«Консервы из немертвых тел...»	12
«Бестрепетно сомкнулись веки встречные...»	13
«Почему я не там, где тревога...»	14
«Суеюй одуряющий город...»	15
«И дыхание мерзнет в усах...»	16
«Да воспрянет Г-сподь в жуткой славе огня...»	17
«Чужбина, полная печалью...»	18
«Солнца соки влились в листья...»	19
Ленинград	20
Мордовия	21
Бабье лето	22
Обретение	23
Предчувствие	24
Мудрость	25
«Веселья нет – спасибо за печаль...»	26
Судьба	27
Скрипичный концерт	28
На Святой Земле	29
Синай	29
Праздник Пасхи	31
Зрелость	32
Сердцевина	33
С того света	34
«В странном мире мы живём...»	35
«Пробитым барабаном молкнет парус...»	36
«В стране, опять рождённой словом...»	37
Память	38
«Ночь. Сигареты бросьте...»	39
«Едкая дымка орудий...»	40
«И в потоке, столь неудержимом...»	41
Песни любви	42
«Почти смертельно рая дуновенье...»	43
«Если можешь, избавься от чар...»	44
«Лебединая песня любви...»	45
«Гурия моя...»	46
«И как будто бы жить – не тужить...»	47
«Не могу, не могу, не могу...»	48
«Зачем так сердцу нравится...»	49
«Мы присядем с тобой у стены...»	50
Переводы с иврита стихов израильской поэтессы Рахель	51
Клятва эха	51

Там горы голан

53

Арье Вудка

Два мира и любовь. Стихи 1969-2016

Моей самой младшей дочери, родившейся 29 июля 2016 года в Израиле, посвящается эта книга

Моя малышка! Пусть на твоём жизненном пути тебя естественно, как дыхание, сопровождают три столь тяжко обретенных мной достояния: Вс-вышний, Родина, Любовь.

За колючей проволокой

(Мордовия, Урал, Владимирский централ)

Владимирский централ

Недошедшим

*Не той мы утробы,
Нам жить здесь нельзя:
Чужие сугробы,
Не наша земля.*

*С нас смоев кручину
Кинерет родной.
Чужбина, чужбина,
Пусти нас домой!*

*Надежда истлела,
Иссякло тепло,
И серое небо
На землю легло.*

*Душа улетает
На вечный покой —
Чужбина седая
Пустила домой.*

Потоп

Вздывается пучины буйный демон.
Над гибелью – один ковчег святой.
Давно плывут акулы над Эдемом,
И небо перемешано с водой.

Когда лишь волны выли нам в ответ,
И не было опоры даже в вере,
Мне голубь нес оливковую ветвь,
Как весть о том, что есть на свете берег.

Пусть воеет вал, отвыкший от преград,
И снова в борт гремит удар жестокий —
Страна моя встаёт, как Арарат,
Над водами вспенёнными порока.

И слабенький проросший стебелек,
Склонясь на непросохший скользкий камень,
Любуется, как радугу зажег
Вс-вышний светозарными мазками.

Бар Гиора

Себя запомнил он в борьбе.
Его скрутила сила злая,
И смерть готовит он себе,
Кулак от ярости сжимая.

Но как-то разом, как-то вдруг
С души спадает тяжкий панцирь.
С улыбкой смотрит он вокруг:
Неужто это душный карцер?

Как будто орды злобных туч
Пролились ласковою влагой,
И каждый камень, каждый луч
Забрезжил вдруг безбрежным благом.

Душа, испивши Б-жий свет,
Лазурней утреннего плёса.
Ей нет страданий, смерти нет,
И отовсюду счастье льётся.

«Умывалась заря в Иордане...»

Умывалась заря в Иордане,
И звенел, наполняясь, кувшин.
Выходил Гилеад на свиданье,
Одеяла снимая с вершин.

Беззаботно щебечет поляна
Под дыханием робким тепла...
О, родная земля Ханаана,
Не глазами я видел тебя!

«Консервы из мертвых тел...»

Консервы из мертвых тел.
Решетка. Круглое оконце.
Там тополиная "метель"
По синеве несется к солнцу...

«Бестрепетно сомкнулись веки встречные...»

Бестрепетно сомкнулись веки встречные.
Спокоен скрип небесного порога.
А у меня в запасе – веки вечные
И трубный рокот рокового рога.

Умчалась моя детская неистовость
В забытый мир, столь чуждый и огромный.
Над изголовьем ветер перелистывает
Страницы снега, времени и дремы.

«Почему я не там, где тревога...»

Почему я не там, где тревога,
Где восторг – невозможного грани,
Где Кинерет, как зеркало Б-га,
Ярко блещет в зеленой оправе?

«Суеюй одуряющий город...»

Суеюй одуряющий город
Бесконечно, привычно чужой.
Но горячее сердце нескоро
Обрастает незримой межой.

И тогда от троллейбусной давки,
От знакомых, толпы и бесед
В кафетериях, вжатых в прилавки,
Ты уходишь, как будто во сне.

За высоким кирпичным забором —
Позабытых могил уголок
И скамейка в тени, на которой
Я сидел после долгих дорог.

Наклоненные старые плиты
Затаили родные слова,
И Давида звезда на граните,
И повсюду – глухая трава.

И деревьев беседа лесная
Протекает, как день, не спеша.
Только там – почему, я не знаю —
До глубин отдыхала душа.

«И дыхание мерзнет в усах...»

И дыхание мерзнет в усах,
И над смуглым румянцем заката,
В синеве переходно-крылатой,
Заиграла звезда на весах.

Сосны черные в дальних лесах —
Сторожами на ясной полоске,
Догорающей тающим воском,
Замерзающей в звездных слезах.

«Да воспрянет Г-сподь в жуткой славе огня...»

Да воспрянет Г-сподь в жуткой славе огня,
Чтобы таяли горы, как воск,
И да слабость отпрянет, как тень, от меня,
Как вороний разбрызганный мозг.

И над гибнущим мраком труба в окоем
Заиграет, грозна и строга,
И восстану, и вспыхну разящим огнем,
Пожирающим сонмы врага.

«Чужбина, полная печалью...»

Чужбина, полная печалью,
Себя весельем не души!
В ненастье осени причалю,
В сосуд излюбленный души.

Там паутинка в небе бледном —
Как нить смертельной пелены,
И все леса огнем последним
Библейских строк опалены.

Прохладный сумрак освежает,
Он успокаивает боль.
И рваный ветер над межами
Лишь тучи гонит пред собой.

Земля средь влажного загара
Жиреет зреющим грехом,
Но медлит праведная кара
В долготерпеньи золотом.

И акварельных далее блеклость —
Окно прозрачности двойной,
И эта призрачная легкость —
До горизонта, в мир иной...

«Солнца соки влились в листья...»

Солнца соки влились в листья,
И закаты расплескались,
А дождей сырые кисти
Унесли небесный талес.

Как земля под стоны реи,
Все плывут воспоминанья.
Чувство жизни тем острее,
Чем дождливей и туманней.

Ленинград

Нева. Российский Иордан.
Разгул свинца, гранит угрюмый,
И неба северные думы,
И вечной слякоти дурман.

Одеты в северный наряд,
Наперерез дороге санной
Мечтой томительной и странной
Дворцы Италии стоят.

На всем – тяжелый полусвет,
Как будто тучи с пеплом слиты,
Как будто седина комет
Легла на сумрачные плиты,
И синева до дна испита,
И ярких красок вовсе нет.

Как бред, струение денницы
Сквозь мглу прокладывает путь,
И если руки протянуть,
За небо можно ухватиться.

Все эти каменные сказки —
Болотных мхов блаженный сон.
Невы разгул, капли звон,
И мира призрачные маски.

Какая тяжкая решимость
В бунтарке скованных равнин!
Какой размах, неудержимость
Неумолимой, злой волны!

Валы свинцового разгона,
Разверзнув твердь, влекут туда,
Где вместо труб Иерихона —
"Авроры" черная труба.

Мордовия

Опять леса забрезжили в тумане.
Ползет унылый, сумеречный день,
Где неба нет – лишь серый пар, как в бане.
И ты себя терпением одень.

Вдоль проволок заботы обновляют
Под лай собак и карканье ворон.
Нам распекает радио о мае
Под вахтенного рельса тяжкий звон.

1971, Потьма

Бабье лето

Черны, мрачны ветвей костлявых кисти.
Живой прохладой поит ветра ключ.
Тогда сжигают кучи мёртвых листьев,
И солнце скупно греет из-за туч.

Глух небосвод, невнятен, ватен, женствен.
Дымы костров подобны временам.
Коты урчат в продлившемся блаженстве,
И вкусен листьев горький фимиам.

Обретение

Вброд по горло через враки,
Не жалея ног,
Я искал Тебя во мраке
И уснуть не мог.

Я искал, еще не зная,
Что же я ищу.
Открывалась полночь злая
Вьюге и дождю.

И в кромешном вое рваном,
Где дороги нет,
Сквозь невидимые раны
Пробивался свет.

За последними домами,
В звяканье вериг,
Застревал в густом тумане
Запоздалый крик

1972, Потьма

Предчувствие

От чистоты безгрешного Адама
Порогом смерти мы отделены,
И даже клочья райского тумана
Замерзли среди снежной пелены.

Но, может быть, еще под звездной твердью
Мы возжелаем горестей былых,
Когда земля, беременная смертью,
Закорчится от схваток родовых.

1972, Урал

Мудрость

Проходит ярость, взрывчатость, – и больше
Невольно не сжимается кулак.
И чувствуешь: душа под сбруей Б-жьей
Не рухнет между кладбищ и клоак.

Она разумно выберет дорогу,
Не вздрогнув, не метнувшись, как дитя,
И выпьет боль свою в молчаньи строгом,
Храня других от этого питья.

И горизонты сердца все светлее;
В нем тает мрак сосульками со стрех.
Ведь человек испуган не злодеем,
А зеркалом, где свой увидел грех.

1973, Урал

«Веселья нет – спасибо за печаль...»

Веселья нет – спасибо за печаль,
Согретую Твоим пасхальным солнцем,
За тишину и слезы невзначай,
За это невеликое оконце.

Спасибо, что печаль разделена
Неразделимой светлой любовью,
Что истлевает снега пелена,
Не наполняя сердце новой болью.

1973, Урал

Судьба

Как пепел Храма, яростным дыханьем
Судьба моя развеяна по ветру,
Где скифские снега и пух вороний
Мне стелят ложе с камнем в изголовье,
И надпись стертая на камне этом
Поведать ни о чем уже не может.

1972, Потьма

Скрипичный концерт

В крыльях мятущихся цепкого звона
Слёзы восторга щемятся наружу,
И нестерпимая боль Мендельсона
В небе полощет пленённую душу.

Последний лагерь – 36-я зона Пермской области

На Святой Земле

Синай

Нагие первобытные просторы
Эфирной дымкой дышат налегке,
И дивные сиреневые горы
На корточках застыли вдалеке.

Вершину роковую различаю,
Что думу вековечную хранит.
Судьба моя впечатана скрижалю
В ее несокрушимости гранит.

Каким узлом Синай меня отметил
И как настигнуть смог через века?
Царит над этой танковою степью
Его непостижимая рука.

Пустыня затаившаяся внемлет.
Вселенной от величья тяжело.
И облако таинственно, как древле,
Легло на это грозное чело...

А море – ослепительной лазури,
Цепочка пальм и белозубые волн,
И не хватает только знойных гурий,
Чтобы дополнить этот сладкий сон.

И к солнцу из обветренных ущелий,
Где гравий и струенье чистых вод,
Цветы и пальмы, зелень, птичьи трели, —
Густой и дикий аромат плывёт.

Здесь дней творенья дремлющие силы
И в небо погрузившийся простор.
Здесь каменные отчие могилы —
Котомками на древних спинах гор.

А-Тур, 1978

Праздник Пасхи

Над Сионом весенним, над буйством полей
Воздух розовым маслом струится.
В эту пору свободы – не бывает светлей —
Мир дыханьем умеет молиться.

1982, Тель-Авив

Зрелость

Бездне весенней недолго синеть
В сердце твоём, человеке.
Лета звенящая, плавкая медь
Взвалена будет на плечи.

С ношей срастешься ты, словно верблюд.
Как бесконечны пустыни!
Медью терпенья одет и обут,
Грузно шагаешь отныне.

1982, Тель Авив

Сердцевина

Как прозрачно это тело,
Как телесен слог.
Что Он сделал, что Он сделал,
Неизбывный Б-г?

Далеко, в песках Синая
Вечность обронил.
Все горит и не сгорает
Куст, Израиль, Мир.

Стать хочу неопалимым
Языком огня.
Чтобы вздох Ерусалима
Окрылял меня.

Чтоб над ним расправить перья
Огненным щитом,
Защищая от безверья
Лучезарный дом.

1983, Тель-Авив

С того света

Кто мы, что мы?
Лыком шиты,
Дублены и солонны,
Из кандалной, безъязыкой,
Озверевшей стороны.

Кто мы, что мы? Дети Данте:
Знания чёрного печать
Никаким письмом таланта
Невозможно завещать.

1984, Тель-Авив

«В странном мире мы живём...»

В странном мире мы живём:
Тело истлевает в нём,
Как пожухлая трава.

Но, печали нас лишая,
Остаются, не ветшая,
Бестелесные слова.

«Пробитым барабаном молкнет парус...»

Пробитым барабаном молкнет парус.
Волна теряет свой прозрачный плед.
Нагая, как земля, встречает старость:
Немая твердь над суетой сует.

«В стране, опять рождённой словом...»

В стране, опять рождённой словом,
Преодолевшим все века,
Встречают мудро и сурово
Его дыханье и рука.

Память

Железные цветы страны железной,
Где каждый шорох смертью оттенен,
Я помню вашу сумрачную бездну.
Она жива. Она одна не сон.

И я бреду вдоль проволочной рези.
И низок, и тяжел свинцовый свет.
И капельки сияют на железе,
И ничего на свете больше нет.

1979, Тель Авив

«Ночь. Сигареты бросьте...»

Ночь. Сигареты бросьте.
Далекий шакала вой.
Огромные звездные гроздя
Сгрудились над головой.

Во мрак устремилась колонна.
Слоновый разбег тростника,
И вееры пальм исступленных,
И фары шальная рука.

Вкруг ямы – кромешно и пусто.
Засада. Беззвучен отряд.
Безлунье. Лишь млечные сгустки
На бархате черном горят.

«Едкая дымка орудий...»

Едкая дымка орудий
И приторный запах тлена
Смешались в горящем Бейруте,
В Парисе, не знавшем Елены.

«И в потоке, столь неудержимом...»

И в потоке, столь неудержимом,
Омуты бывают и коряги,
Мнят они рекою овладеть.

Нас перенесет через запруду
Время – то, что льдинкой ожиданья
Зябко прикасается к душе.

Песни любви

«Почти смертельно рая дуновенье...»

Почти смертельно рая дуновенье.
Замок, ожог несут его лучи.
Но у двери одно прикосновенье
От всех дверей оставило ключи.

Ключи, что властвуют над телом,
Своим и некогда чужим,
В очарованье оробелом
И в страсти, смявшей рубежи.

Ключи в зеленоокий омут
И в хмель распущенных волос,
В безумие, в котором тонут,
И где бывать не довелось.

И вдруг становится кромешной
Такая ясная судьба.
Земля и небо перемешаны,
Но нет Ковчега у тебя.

«Если можешь, избавься от чар...»

Если можешь, избавься от чар.
Не лети мотыльком на свечу.
Не смогу я унять этот жар,
Хоть беды для тебя не ищу.

Не старайся увидеться впредь.
Как пронзительна взгляда стрела!
Дай свече до конца догореть,
Не прожегши резного крыла.

«Лебединая песня любви...»

Лебединая песня любви
Зазвучала в душе и во плоти.
Ты ее не зови, не мани,
Пусть останется в вечном полете.

Не влеки в повседневную муть,
В жар всеядный, в глухую истому.
Не вернуть ничего, не вернуть,
И объятья раскроешь другому.

Да и нужно ли, сердцем любя,
Плоть тугую вести на закланье?
Тот пожар, что сжигает тебя,
Невозможно лечить расстояньем.

Пусть прошедшее болью нагой
Пролетает пустыми полями.
Что еще, кроме памяти той,
Оставляет судьба между нами?

Не уйти от нее, не уйти...
Изливается сердце упруго
Пожеланьем благого пути
И молитвой за нежного друга.

Ведь и мысли о нем и о нем —
Не прельщаются ссорой и сором.
И пылает, пылает огнем
Вся душа, подоженная взором.

Как отчаян, ужасен полет!
Как все рушится резко и быстро!
Лебединую песню поет
Каскадера любовь, не артиста...

«Гурия моя...»

Гурия моя,
Цветик ароматный,
Кто послал тебя
И унес обратно?

Ты в моей крови,
На моем пороге:
Озеро любви
В этой жизни строгой...

Заметет зима
Все, что сердцу мило.
Памяти тюрьма
Свет твой сохранила.

Можно одному
Жить тобой часами,
Только не пойму:
Слезы льются сами...

Гурия моя,
Цветик ароматный,
Кто послал тебя
И унес обратно...

«И как будто бы жить – не тужить...»

И как будто бы жить – не тужить —
Наваждение пьем мы до дна.
Как нам пламя сердец потушить
До того как сгорим мы дотла?

Где источник волшебной воды,
Что вернет нам рассудок, покой?
И куда убежать от беды,
Коль пожар не погасишь рекой?

Как скользить нам над бездной такой,
Не срываясь в последний полет?
Одержимость всегда под рукой...
Утоление – разум вернет?..

«Не могу, не могу, не могу...»

Не могу, не могу, не могу —
Расстояния сводят с ума.
От себя и от всех убегу
В край, где бродят любовь и весна,

Где ушедшая юность царит
И вином запоздалым пьянит,
Где цветением губ и ланит
Разбухает пустая сума.

Этой памяти тонкую нить
Сердце будет навеки хранить.
Дней потоки бурлят, как вода,
Но не смоют ее никогда.

«Зачем так сердцу нравится...»

Зачем так сердцу нравится —
И в боль ему, и в лад
Мечтательной красавицы
И поцелуй, и взгляд?

Те годы, те мгновения —
Умчался их отряд,
Но все прикосновения
Под кожей горят.

Как будто прорастают там
Свечами семена,
Как будто расцветают нам
Иные времена.

И вспять по непрожитому,
Снося плотин лимит,
Речищи львиной рыканье
Порогами гремит.

Беспутие, безлуние,
Не протрубить отбой.
Безумие, безумие
Становится судьбой...

«Мы присядем с тобой у стены...»

Мы присядем с тобой у стены.
Расскажи, расскажи мне, дружок,
Как не тают снега седины
На пожарищах бархатных щек?

Расскажи, расскажи поскорей,
Как попал я в волшебные сны?
Как закаты моих октябрей
Обагрили рассветы весны?

Как нам сладить с такою судьбой:
Что наитье тебе говорит?
И куда нам деваться с тобой,
Если эта звезда догорит?

Ждет нас завтра хамсин или снег,
Рай свиданья, разлука ли вновь,
Но приязнь, сродняя навек,
Дополняет большую любовь.

Переводы с иврита стихов израильской поэтессы Рахель

Клятва эха

*(посвящено Залману Шазару, ставшему потом президентом
Израиля)*

Это эхо, что нас породило,
Устоит перед армией дней,
В сердце теплится, свято и мило,
Не уходит в обитель теней.

...Дали им на горах отвечали.
Счастье жизни взрывается в ней,
Бледен он и глубок очами —
В этом прелесть еврейских парней.

Он сказал ей: "Твой голос напомнил
Пастухов в Иудейских горах".
В чем секрет этих звуков бездонных,
Воскресивших развеянный прах?

В чем секрет, что влекли нас обоих
Из чужбины магнита сильней,
И что братство по духу, по крови,
Устоит перед армией дней...

Там горы голан

До Голанских гор – дотронуться рукою,
Но средь безмятежья – повеленье: "Стой!"
Дремлет одиноко, блещет сединою
Дедушка Хермон – и веет стужей в зной.

А на берегу обвисла крона пальмы,
Спутана прическа, как у шалуна,
Что скользнул в Кинерет, и в тиши хрустальной
Плещется о ноги за волной волна.

Расцветет зимою на слоистых склонах
Маковая кровь, шафрана желтизна.
Чище изумруда тон полей зеленых,
В беспредельной выси – синева без дна.

Если и состарюсь, и пойду согбенно
Сердцем согреваться у чужих костров,
Разве вас забуду – вы вовек нетленны —
Молодости милость, хмель бессмертных снов.

